

Сергей Рыбкин

* * *

пере-боремся пере-тремся
рассчитаемся по одному
в нашем доме и только в нем все
завещается никому

снова ложка звенит в стакане
пахнет свежей заваркой стол
и водой в заржавелом кране
мы железо свое куем

заживают все наши раны
как собачьи среди пыли
и гудят наковальни-краны
и звенят и скрипят столы

это все о воде и Ржеве
как о ржавчине и трубе
это нежно течет железо
как слеза по твоей губе

ты кричишь — я молчанье слышу
ты молчание-крик-молчан...
словно слово язык не пишет
будто я это замолчал

замолчал — тишина и только
звонко окает привстает
на носочки любви иголка
и молчание издает

нет не кажется — смотришь в оба
и не слышится ничего
лишь вода и железо — злоба
от молчания твоего

* * *

Строчкой леса заштопанный край, вдали от людей
живешь, подуваешь в дуду, вызываешь созвучья,
ты сам же вода, но притягиваешься к воде,
как будто тебя обуздало веление щучье.

Выходишь к реке, от промоин журчанье и хруст,
срывается снег с камышей, тебе кажется — чайка,
и в клюве ее золотистый прикушен подуст,
густая вода закачалась, как кресло-качалка.

Вот так и живешь, ради качки и взмаха крыла,
измеряя на глаз траекторию птичьего взлета,
даже если мне жизнь показалась — совру, что была
только здесь, и, наверное, значила что-то.

г. Воронеж

Павел Сидельников

* * *

В червонный день кукушка прозвенит,
последний лист окажется в ладони —
я сберегу его — и он лежит
поляной, по которой скачут кони.

Там хорошо. Растет трава одна,
одна растет, и думает, и плачет
о том, что не закончилась весна,
но и она, наверняка, доскачет.

г. Воронеж

Анастасия Стрелецкая

О СЕБЕ

Память прячется в ил, голоса и лица уходят на дно,
Где ты завтра проснешься: в земле или в теплой постели?
Напишу в графе «о себе»: старая курица, молодое вино,
Сырое мясо, сухая зелень.

СНИЛОСЬ

Снилось: ты меня в лоб целовала,
На прощанье прощенье даря.
А над морем всходила заря...
Я проснулась. Сменились моря
на зареванное покрывало.

г. Воронеж

Екатерина Стрельникова

* * *

Я — не я, и стихи не мои,
Они чьи-то — чужие и злые,
Они пахнут, как летний Каир
И как тонкие губы льняные.

Без меня они есть, и когда
Я их слышу в тумане рассудка,
Черной тенью за ручкой — рука,
И за грохотом — тишь переулка.

Над бумагой, помятой не мной
И не мной разрисованной кровью
Кто-то страшно родной и чужой
Поет песни в моем изголовье.

Он уйдет, когда сонный рассвет
Вденет луч в мое мертвое тело:
Я на целую тысячу лет
И измаялась, и постарела.

Мне привидится лист и строка
Для бессмертия или обмана
Да горячая в дрожи рука,
Уводящая в бездну тумана.

* * *

Я согласна быть зарытой
За оградой, без креста,
В пашне, пахарем изрытой,
В запах прелого листа,

На холме, пересеченном
Веной прожитых боев,
В задымленном, обреченном
Теле старых городов.

Я вселюсь веселой мавкой
В дух степей и жар дорог,
В зыбь озер под гнетом жалкой,
Самой терпкой из тревог.

Я нарочно не для рая.
Он велик своей ценой.
Я ее не принимаю
Своей грешной головой.

Только в сумерках спокойно
И больное не болит.
Молчаливо и нестройно
Ствол осиновый стоит,

Потерявший одеяло
Золотых осенних дней —
За оградой, где немало
Непокаянных людей.

г. Воронеж

Екатерина Ступникова

* * *

Однажды и за мной пойдут, однажды,
Стирая ноги о шершавый рыхлый дым,
Я буду знать, что жив совсем не каждый,
Что очень сложно в этом мире быть живым.
И вновь идти по перечерченному кругу,
Ступать и замечать остывший след
И вторить оглушающему стуку,
И видеть впереди спокойный свет.
Конечно, жить. Да, вопреки и вместо
Щемящего волнения за жизнь.
Однажды и за мной пойдут в то место,
Где смело и спокойно смотрят в высь.
Смогу ли я? Но ноги есть, и время
Подталкивает ледяной рукой.
Пока еще не понимаю, где я.
Но верю, что иду к себе домой.

* * *

Я, опоздавшая на век,
Кричу, пугая птичьи стаи.
Мой одинокий человек,
Мы ничего не выбрали.

Лишь мимолетом, сквозь года,
На перекрестке поколений
Мы повстречались на мгновение
И попрощались навсегда.
Теперь я слышу только снег,
Что место встречи замедляет,
Мой одинокий человек,
Тебя до боли не хватает.
И только вера, только стук
Тобой запущенного сердца
Мне открывает мир вокруг
И заставляет приглядеться.

г. Воронеж

Надежда Третьякова

* * *

О, ей к лицу неведомая грусть,
Коленей угловатые созвучья,
Неспешность речи, строки наизусть,
А тени рук так плавны и ползучи.

И пальцами изысканно зажав
Лоскут луны, надорванный по краю,
Слова на полусогнутых кружат,
Вальсируют и в ритм не попадают,

Стихи и проза сумрак гонят прочь —
Строка, как свет, не терпит промедленья...

А он стоит, и видятся сквозь ночь
Все те же угловатые колени,
Заученного профиля черты —
Горбинка носа, скул упругий угол...
Она, как ночь, глядит из темноты,
Рифмуясь с ним и связываясь туго.

Поэты этим счастьем дорожат!
За миг до взлета — так всегда бывает —
Ее стихи взволнованно дрожат,
Когда он их задумчиво читает.

* * *

Из печали, из печали
Будет выкована вечность,
Там, где сосны раскачали
Синеву и бесконечность.

Опрокинутые тучи
Разольют на мир чернила,
Мир искомкан, мир измучен,
Ночь перчатку обронила
И озябшею ладонью
Рассыпает тьму и холод,
Мир в своей печали тонет,
Мир изорван и исколот.
Там, где сосны, там, где сосны
Разволнованы закатом,
Ничего уже не поздно,
И как будто бы не надо...

г. Воронеж

Дмитрий Ханин

РОСТ

Пусть не спешит трава погоста:
Моя Судьба еще в пути.
Душа мне кажется подростком —
Душе положено расти.

Она взрослеет не по датам,
Порой сама к себе слепа,
То вдруг резка и угловата,
То вдруг наивна и глупа.

Она подчас такое выдаст —
Держись от смеха за живот.
... Читаю книги ей на вырост,
Авось хоть малое поймет.

Душа растет, растет негромко,
С годами делаясь мудрей,
Пока не вырастет настолько,
Что в теле тесно станет ей.

До той поры совсем не просто,
Сводя отчаянье на ноль,
Осознавать болезнью роста
Души клокочущую боль.

Не растерять удачу мне бы,
Чтоб к завершению пути
Душа до радужного неба
Сумела светом дорасти.

* * *

Я перейду дорогу и овраг
И окажусь у старенькой калитки,
Где первобытной истины — в избытке
И благостен тенистый полумрак,
Где за калиткой — Родина и сад,
Где тишина — под крышею беседки
И солнце чуть качается на ветке,
А ягоды на облаке висят.
Там неба запрокинутая гладь
К деревьям неразрывно приникает
И так друг в друга все перетекает,
Что трудно мир на вещи разделять.
И трудно даже вычленишь себя
Из вечности природы переменной,
Как будто вдруг становишься Вселенной,
Утрачивая собственное «я».

г. Ростов-на-Дону

Яна Цыганкова

* * *

Рассыпалось время, как старые-старые бусы —
Звеня, раскатилась по полу кровавая крошка.
Мы плачем еще — с фотографий над нами смеются:
Зачем вы, родные?.. Да бросьте уже, сколько можно.
В попытках собрать кругляши переливчатой яшмы,
В погоне за теми, кто к нам никогда не вернется,
Мы снова возводим воздушные замки — их башни
С завидным упрямством ломает взошедшее солнце.
Сидишь на полу, как игрушка — забыт и растерян.
Игривым хорьком в беспорядок ввернулась надежда
И, грея твой дух, задремала, сопя, на коленях.
А может и правда, позднее все станет как прежде?..

* * *

Так отчего ж ты так светла?
Был день морозный и усталый.
Вся завернувшись в одеяло,
Ты затаилась и ждала.
И сохли капельки небес
На пробудившихся балконах,
И пахло в воздухе зеленой
Листвой проснувшихся сердец.
Отмерший воздух трепетал
Крылатой возвращенной стаей,

Ты выходила к ней босая,
Пригоршню высыпав зерна.
А свет тянул пушистый хвост,
И уползал в лесную чашу,
Где жизнь казалась настоящей,
Где спал апрель, оставив пост.
Так отчего ж ты так светла?
Зима летела, как простуда,
Но ты бросала якорь чуда
Над ожиданием тепла.

г. Воронеж

Маргарита Чекунова

* * *

Ветер, неженка, мистик, истерик, ироник,
то взлетит на карниз, то скамейку уронит.
С оголтелою чуткостью тайных потоков
узнает, что гоним с северов и востоков.

От камней и до звезд — мир, ревуший и синий,
как плывущий мираж многолюдной пустыни.
Руки ветра простерты, черты его строги.
— Я с тобой, если вдруг ты собьешься с дороги.

ЕСЛИ

Если мне скажут: шестое чувство —
это не чувство, а только бред,
если покажут, что форм искусства,
видимых мной,
и в помине нет,
если положат границы свету
или не примут
в заветный круг,
я буду строить свой дом из щепок,
где лунный свет и копытный стук.
Где ни за что не погаснут окна,
всякий несчастный найдет приют;
где будут с белых ладошек мокрых
пить сотни истин, каких не пьют.
Двинемся враз рок-н-рольным звеньем
или смешным остроумным «па».
Ты же создатель и ты — творение,
тот, кто не принят никем пока.

Я буду строить свой дом из граней,
древ, на которых растут слова.
С теми, кто все предузнал заранее,
встретимся спорить о возгораниях,
о возрождениях и стараниях
там, за границами естества!

г. Тюмень

Елена Шевченко

ОБО МНЕ

Кошка-луна спит, мурча на нервы,
Ночь заблудилась в хвостах ловцов.
— Плачь обо мне, я жива, наверно...
Мир не получит мое лицо.

Кошка приходит в окно, посменно
(Нос лунной шерстью щекочет хвост).
— Плачь обо мне, я жива, наверно...
Лунные слезы ведь ярче звезд?..

Слезы в солонке хранятся скверно,
Скоро совсем потеряют цвет...
— Плачь обо мне. Я жива. И верю,
В то, что препятствий для счастья нет.

г. Ростов-на-Дону

Татьяна Щедрина

СТЕПЬ

По-над оврагом разросся ситник,
И придорожная пыль столбом.
В степи осока засела сиднем
Зыбясь и в желтом, и в голубом.

Зияла так ярово и наго
От зноя выцветшая до дыр —
Асфальта рисовая бумага
И чернозема сухой такыр.

По автостраде катился ветер,
Скирды кострами пронзали синь.
Где сны попрятали по поветям,
Катился ветер под Дебюсси,

Соленой хлебною крошкой метил,
Кропил непрошеную стезю.
А за хлебами горланил петел,
И граммофон дебюссил вовсю.

Как будто скошен горячим ливнем
И ослеплен от плетневых слез —
Был воздух августом окрапивлен
И над собой, и над степью рос.

* * *

Растратились обрядно ясени,
Изряднее земли покров —
Крапленый, как перо неясоти,
Сквозной, как праздность вечеров.

Над рядом строк склоняюсь часто я,
Приятен этот дар и нов.
Я чуть другая — не несчастная
Несбыточностью слов и снов.

Молчу, предчувствовать усталая.
Из уст ветров, у образов
Узнаешь ты, какую стала я,
И вздрогнешь — светел и суров.

г. Краснодар